

БУК «Областная библиотека для детей и юношества»
Информационно-библиографический отдел

К 130-летию со дня рождения

***О маленьких для больших:
детская тема в творчестве Аверченко***

Дайджест

Омск
2011

Некоторые древние мыслители считали, что человека можно определить как «животное, умеющее смеяться». Наверное, в какой-то степени они были правы, так как не только умение ходить на двух ногах и трудовая деятельность выделили людей из мира животных, помогли выжить и пройти через многочисленные испытания тысячелетней истории человечества, но и способность смеяться. Именно поэтому умевшие рассмешить пользовались популярностью во все века и у всех народов. Интересно, что со временем появился титул короля смеха. Им награждали тех, кто достигал наибольших успехов в этом искусстве.

С конца первого десятилетия прошлого века в России нигде официально не утверждённый титул короля смеха принадлежал Аркадию Аверченко.

*Он был как вихрь. Влюблённый в жизнь и солнце,
Здоровый телом, сильный, молодой,
Он нас пьянил, врываясь к нам в оконце,
И ослеплял, блестя меж нас звездой.
Горя в огне безмерного успеха,
Очаровательно дурачась и шая,
Он хохотал, и вся страна, как эхо,
Лукуя, вторила веселью короля.*

Так писал поэт Василий Князев о первых годах восхождения Аркадия Аверченко к вершинам писательской славы. Внешне история карьеры Аркадия Аверченко (до октября 1917 года) выглядела как хрестоматийный пример. Трудолюбие, настойчивость, последовательность в достижении цели – и успех обеспечен [3; с. 1-2].

Родился Аркадий Аверченко 15 (27) марта 1881 года в Севастополе в семье небогатого коммерсанта Тимофея Петровича Аверченко.

А. Т. Аверченко закончил всего два класса гимназии, так как ввиду плохого зрения не мог долго заниматься и к тому же в детстве, в результате несчастного случая, сильно повредил глаз.

Но недостаток в образовании со временем компенсировался пристрастием к чтению и природным умом.

Работать Аверченко начал рано, ещё в 15 лет, когда поступил на службу в частную транспортную контору. Продержался он там недолго, чуть больше года. В 1897 году Аверченко уезжает работать конторщиком в Донбасс, на Брянский рудник. На руднике он проработал три года, впоследствии написав несколько рассказов о тамошней жизни («Вечером», «Молния» и др.)

В 1903 году писатель переезжает в Харьков, где 31 октября в газете «Южный край» появляется его первый рассказ. В 1906—1907 годах Аверченко редактирует сатирические журналы «Штык» и «Меч», а в 1907 году его увольняют с очередного места службы со словами: «Вы хороший человек, но ни к чёрту не годитесь». После этого, в январе 1908 года, А. Т. Аверченко уезжает в Санкт-Петербург, где становится секретарём сатирического журнала «Стрекоза» (впоследствии переименованного в «Сатириконе»), а в 1913 — его редактором.

Аверченко многие годы с успехом работает в коллективе журнала с известными людьми — Тэффи, Сашей Чёрным, Осипом Дымовым, Н. В. Ремизовым (Ре-ми), и др. Именно там появились его самые блестящие юмористические рассказы. За время работы Аверченко в «Сатириконе» этот журнал стал необычайно популярен; по мотивам рассказов юмориста ставились пьесы во многих театрах страны [IV].

Февральскую революцию А.Т. Аверченко встретил восторженно, но Октябрьскую не принял. В августе 1918 года большевики сочли «Новый Сатириконе» антисоветским и закрыли журнал. После этого писатель уезжает на юг, сотрудничает в газетах "Приазовский край" и "Юг", выступает с чтением своих рассказов, заведует литературной частью в "Доме Артиста". В это же время он пишет пьесы "Лекарство от глупости" и "Игра со смертью", а в апреле 1920 организует свой театр "Гнездо перелетных птиц". Через полгода, за несколько дней до взятия Севастополя красными, Аверченко эмигрирует через Константинополь за рубеж; с июня 1922 живет в Праге,

ненадолго выезжая в Германию, Польшу, Румынию, Прибалтику. Публикуется его книга "Дюжина ножей в спину революции", сборник рассказов: "Дети", "Смешное в страшном", «Записки простодушного» и др. Жизнь вдали от Родины, от родного языка была очень тяжела для Аверченко; этому были посвящены многие его произведения, в частности, рассказ «Трагедия русского писателя» [II].

В Чехии Аверченко сразу приобрёл популярность; его творческие вечера пользовались шумным успехом, а многие рассказы были переведены на чешский язык. Работая в известной газете «Prager Presse», Аркадий Тимофеевич написал много искромётных и остроумных рассказов, в которых всё же чувствовалась ностальгия и огромная тоска по старой России, навеки канувшей в прошлое. В 1925 году, после операции по удалению глаза, Аркадий Аверченко серьёзно заболел. 28 января его в почти бессознательном состоянии положили в клинику при Пражской городской больнице с диагнозом «ослабление сердечной мышцы, расширение аорты и склероз почек». Спасти его не смогли, и утром 12 марта 1925 года он умер. Похоронен Аверченко на Ольшанском кладбище в Праге. Последней работой писателя стал роман «Шутка Мецената», написанный в Сопоте в 1923 году, а изданный в 1925, уже после его смерти [IV].

При чтении рассказов Аверченко нас поражает необыкновенное знание жизни и человеческой природы. Среди его персонажей – люди самых разных профессий, социальной и национальной принадлежности. И каждый герой живёт своей жизнью, проявляет свой собственный характер, обрисованный автором лаконично и правдиво [3; с. 20].

Богатство выдумки автора неисчерпаемо, он высекает смех из каких-то немислимо нетривиальных ситуаций, в которые даже трудно поверить, настолько они кажутся придуманными, – и всё-таки смеёшься, всё-таки веришь. Ибо персонажи, попавшие в эти ситуации, поступают, действуют, говорят в полном соответствии с обстоятельствами и с собственным характером [3; с. 17].

О богатстве внутреннего мира писателя, многогранности его души и таланта свидетельствуют рассказы о детях и для детей. Аверченко женат не был, детей не имел, но он любил их, и они отвечали Аркадию Тимофеевичу взаимностью. Три книги рассказов – «Шалуны и ротозеи» (1915), «О маленьких для больших» (1916), «Дети» (1922) – далеко не исчерпывают всего того, что написано Аверченко о младшем поколении [3; с. 21]. Писатель включал произведения на тему детства в другие свои книги: «О хороших, в сущности, людях» (1914), «Синее с золотом» (1917), «Дюжина ножей в спину революции» (1921), «Отдых на крапиве» (1924). Весьма часто в «детских» рассказах Аверченко взрослые занимают немногим меньше места, чем дети («Блины Доди», «Три желудя», «Под столом», «Человек за ширмой», «День делового человека» и др.). Писатель помнит об адресате своих произведений, о «больших», и стремится достичь двойной цели: показать мир ребенка, разоблачая мир взрослых [VI].

Сборник Аверченко «О маленьких для больших» – одна из лучших дореволюционных книг писателя. Свежесть восприятия, трогательную чистоту и бесхитростную правду детского мира Аверченко противопоставляет корыстному лживому миру взрослых. Голос писателя окрашен доброй, возвышенно-романтической интонацией, за которой почти не слышна ирония. Дети вызывают сочувствие писателя своей непосредственностью, они выламываются

из опостылевшей ему нудно-размеренной обывательской жизни [VIII]. Писатель до мельчайших деталей постиг психологию детей, научился (или же просто не разучился, сохранив это знание до конца своих дней) говорить их языком о понятных и их волнующих вещах, выразил забавные, трогательные стороны детской души, её наивность, доверчивость, жажду человеческого тепла [3; с. 21].

Один из рассказов книги «О маленьких для больших» так и озаглавлен — «О детях (Материалы для психологии)». «У детей, — не слишком оригинально утверждает здесь Аверченко, — всегда бывает странный, часто недоступный пониманию взрослых уклон мыслей. Мысли их идут по какому-то своему пути; от образов, которые складываются в их мозгу, веет прекрасной дикой свежестью».

Что говорить, глубокомысленные умозаключения не являются сильной стороной творчества Аверченко. Зато он отлично подмечает и описывает этот детский «уклон мыслей» — склад речи, поведение, и общее у всех детей, и особенное, какого-нибудь одного ребёнка. В рассказах о детях, именно в тех, которые «для больших», проявляется душевная тонкость, зачастую несвойственная другим произведениям сатирика Аверченко. Он даже касается материй, трудно определяемых словами.

Такая вот сценка:

«Знакомясь с одним трёхлетним мальчиком крайне сосредоточенного вида, я взял его на колени и, не зная, с чего начать, спросил:

— Как ты думаешь: как меня зовут?

Он осмотрел меня и ответил, честно глядя в мои глаза:

— Я думаю — Андрей Иванович.

На бессмысленный вопрос я получил ошибочный, но вежливый, дышащий достоинством ответ» («О детях»).

Есть у Аверченко рассказы, сюжеты которых могли бы послужить сентиментальным писателям для сочинения кислосладкой журнальной стряпни как раз в духе того времени — конца XIX века. «Нянька», например: вор забрался на дачу, где

осталась без присмотра крохотная доверчивая девочка, и вот она предлагает ему играть в разбойников... Или рассказ «Зайчик на стене»: девочка, спасаясь от пьяного отца, оказывается на тёмной лестнице, на пороге чужой комнаты, но здешний хозяин тоже человек потерянный...

Однако Аверченко всё устраивает так, чтобы читателю было и смешно, и грустно сразу. Критики неоднократно и справедливо указывали на «американизм» юмора Аверченко. Нетрудно заметить, что Марк Твен и О.Генри — родственные ему авторы. Вместе с тем писатель так крепко связан с российской жизнью, так много и не понаслышке, будучи выходцем из небогатого купечества, знает о провинциальной и столичной повседневности, о мелочах быта, нравах обывателей и их характерных словечках, что сегодня мы читаем его рассказы ещё и как свидетельства ушедшей эпохи.

«Серёжкин рубль»

знавал тринадцатилетних детишек, которые пользовались всяким случаем, чтобы стянуть из буфета бутылку водки...»; так что писать «для среднего типа ребёнка» от восьми до тринадцати лет — задача неразумная и невыполнимая. Однако среди читающих детей означенного возраста немало таких, кому приходится впору и юмор, и лирические настроения Аркадия Аверченко. Школьникам разного возраста, безусловно, будут интересны весёлые истории о гимназистах: «Серёжкин рубль», «Преступление Голубого Шакала», «Невозможное»,

«Экзаменационная задача», «Синее одеяло» и другие [III]. Как во многих своих произведениях, здесь писатель выставляет напоказ скудоумие обывателя, глупость «здоровой» мещанской семьи, бессмысленность гимназической педагогики и находит светлое, положительное начало в своих маленьких героях [2; с. 13]. Автор без труда проникает в глубины детской психологии. Так, в рассказе «Индийская хитрость»

«Синее одеяло»

читатели искренне смеются над наивно-хитроумными уловками ученика Челнокова, который выкручивается в тщетных попытках избежать заслуженной двойки на уроке. Никто не сомневается в правдивости поведанной автором незамысловатой истории, потому что иногда и с нами в этом возрасте происходило подобное... [3; с. 22].

Нельзя не упомянуть о несомненной автобиографичности некоторых рассказов о детях Аркадия Аверченко. Автор не скрывает от читателя своих детских занятий и увлечений. Прежде всего, он был занят дружбой. Две темы – детство и дружба – проходят через все творчество писателя. В рассказе «Молодняк» есть необыкновенно трогательные строки: «Нет ничего бескорыстнее детской дружбы... У философов и детей есть одна благородная черта – они не придают значения никаким различиям между людьми – ни социальным, ни умственным, ни внешним». Крепкая дружба связывала героя рассказа «Молодняк», в котором мы без труда узнаем самого Аверченко, и его приятелей Мотю и Шашу. Ребята были неразлучны, вместе «братски воровали незрелые арбузы на баштанах, братски их пожирали и братски же катались по земле от нестерпимой желудочной боли». Но годы шли, и шестнадцатилетие оказалось тем порогом, за которым кончается детство, кончается детская дружба. Презрительно отвергнув приятелей, которые, как он полагал, уже не соответствовали его статусу и социальному положению, Мотя распрощался с ними и гордо удалился.

Потеряв друга, герой рассказа и Шаша, «заброшенные, будничные, лежа на молодой травке железнодорожной насыпи, в первый раз пили водку и в последний раз плакали».

Детство Аверченко вряд ли было безоблачным. В его рассказах то и дело проскальзывают полунамеки-полужалобы на одиночество, ненужность, непонятость. В особо грустные минуты мальчик из рассказа «Смерть африканского охотника» «уходил на несколько вёрст от города и, пролеживая целыми днями на пустынном берегу моря, у подножия одинокой скалы, мечтал». В одиночестве он предавался своему любимому занятию – чтению. Мальчик особенно любил Луи Буссенара и Майн Рида. Над волнами Черного моря парила фантазия ребенка, перенося его то в Африку, то в Северную Америку, к «бизонам, бесконечным прериям, мексиканским вакеро и раскрашенным индейцам». Но приятный полет фантазии мог быть беспощадно прерван: заходить далеко от своего дома было небезопасно, поскольку между детьми разных районов города шла необъявленная война.

«Страшный мальчик»

Аверченко неоднократно повествует нам о беспощадных детских драках. Они происходили постоянно и повсеместно. В рассказе «Кулич» писатель приводит интересную классификацию: «Существовали два разряда мальчиков: одни меньше и слабосильнее меня, и этих бил я.

Другие больше и здоровее меня – эти отделявали мою физиономию на обе корки при каждой встрече. Как во всякой борьбе за существование – сильные пожирали слабых». В рассказе «Страшный мальчик» Аркадий Тимофеевич пишет: «Обращая взор свой к тихим розовым долинам моего детства, я до сих пор испытываю подавленный ужас перед Страшным Мальчиком». Страшный Мальчик, или Ванька Аптекаренко, бросался в любую драку и бил всех подряд, без предупреждения.

В эпизодах, посвященных дракам, как это часто бывает у Аверченко, мы видим «страшное в смешном»: скорее всего, далеко не безобидны были эти «битвы». Некоторые исследователи жизни Аверченко, например, Д. Левицкий, предполагают, что левый глаз писателя был поврежден как раз в такой драке, на юге, в юношеские годы.

В детстве Аверченко, несмотря на «прозу жизни», было большое событие, которому посвящены два рассказа: «Смерть африканского охотника» и «Предводитель Лохмачев». Большим событием был приезд зверинца. Аверченко очень забавно передает свои детские впечатления от представления. Дело в том, что индеец, негр, звери не только потрясли мальчика, но и разочаровали. «Всякий должен делать свое дело: индеец снимать скальп, негр – есть попавших к нему в лапы путешественников, а лев – терзать без разбору того, другого и третьего, потому что читатель должен понять: пить-есть всякому надо», – поясняет юморист причину своего детского неудовольствия в рассказе «Смерть африканского охотника». Так или иначе, впечатление от представления было очень сильным. «Кто оценит симфонию звуков хриплого аристонна, хлопанья бича и потрясающего рева льва? Где слова для передачи сложного дивного сочетания трех запахов: львиной клетки, конского навоза и пороха?» – восклицает Аверченко [VIII]. Ребёнок остаётся ребёнком, пока он воспринимает мир как увлекательную игру; он может смотреть на окружающее глазами героев Майн Рида или Луи Буссенара, и ничего в этом предосудительного нет. Но в какой-то момент он вдруг почувствует, что жизнь гораздо сложнее, хотя и не всегда так увлекательна. Так мальчик-фантазёр становится юношей и навсегда прощается со своим детством... [3; с. 21].

Можно предположить, что большое впечатление на Аверченко производили также религиозные праздники, например, Пасха. Празднованию Пасхи посвящен рассказ «Кулич». Сюжет заключается в том, что отец дает Аркадию кулич и обещает 1 рубль за то, что мальчик освятит его в церкви. Особого религиозного благоговения ребенок не испытывает, поэтому он прячет кулич под крыльцо и раздумывает над тем, в

какую церковь лучше всего отправиться. Рассуждает он так: « – Куда мне пойти? К Владимирскому собору? Там будет Павка со своей компанией... Ради праздничка избыют, как еще никогда не били... В Петропавловскую? Там будет Ваня Сазончик, которому я только третьего дня дал по морде на Ремесленной канаве. В Морскую церковь – там слишком фешенебельно. Остается Греческая церковь». Празднование Пасхи прошло для Аверченко весело, он пишет, что «Анриенку бил в такую святую ночь, кулича не освятил да еще орал на базаре во все горло не совсем приличные татарские песни, чему уж не было буквально никакого прощения».

Весь этот привычный, уютный, детский мир сопровождал писателя до 1896 года. «Шестнадцати лет я ... уехал из Севастополя ...» – пишет Аркадий Тимофеевич в своей «Автобиографии». Закончилось детство, впереди целая жизнь, оказавшаяся необычайно удачной поначалу, трагичной в конце. Покидая Севастополь в 1896 году, Аверченко не знал, да и не мог знать, что через двадцать лет он снова вернется в этот город. Вернется уже известным всей России писателем и в то же время писателем, уже не нужным России. Севастополь станет для него символом старого, привычного уклада жизни, и именно берега севастопольских бухт – последней полоской родной земли, с которой он расстанется навсегда [VII].

В годы гражданской войны детская тема у Аверченко звучит по-новому. Писатель показывает, как взрослые в безумии своем калечат детские души. Дети остаются для Аверченко средоточием всего самого хорошего, но теперь его герои – дети, лишенные детства [VIII]. В рассказе «Трава, примятая сапогом» авторская позиция проявляется через диалог повествователя с маленькой девочкой. Разговор ребёнка и взрослого, в совершенстве владеющего умением шутя-серьёзно говорить с детьми, изобилует

трогательными деталями и подробностями (беседа о здоровье «многоуважаемой куклы», обещание автора расправиться с обидчиком-комаром, стихи о Максе, который «вечно поет», и т.п.). На фоне этой лёгкой словесной игры резким диссонансом звучат поражающие своей недеткостью рассуждения восьмилетней девочки: «Какая же это шрапнель? Обыкновенную трёхдюймовку со шрапнелью спутал. Ты знаешь, между прочим, шрапнель, когда летит, так как-то особенно шуршит. А бризантный снаряд воет, как собака. Очень комичный». Трагикомическое соединение несоединимого подчёркивает бесчеловечную, абсурдную сущность эпохи классовой борьбы (вспоминая о бубенчике для котёнка, героиня сетует на то, что «бубенчик был с маминым золотом в сейфе, и коммунисты его по мандату комфина реквизируют»). Самоочевидным возражением этому жестокому миру вражды и насилия является беззащитное детство, подобное молодой травинке, примятой тяжёлым кованым сапогом: «Прошли – полежал, полежал примятый, полураздавленный стебелёк, пригрел его луч солнца, и опять он приподнялся и под тёплым дыханием дружеского ветерка шелестит о своём, о малом, о вечном» [V].

Счастливы те, кто еще помнит прежнюю жизнь, для кого бризантные снаряды пока не заслонили окончательно голубую ленточку с малюсеньким золотым бубенчиком для котёнка («Трава, примятая сапогом»). Но все чаще и чаще персонажами рассказов Аверченко становятся дети, с недоверием выслушивающие воспоминания об обедах, танцах, духах и игрушках, дети, для которых нормальная жизнь – не более чем сказка («Русская сказка»). Они не знают, что такое «завтракать» («Урок в совдепской школе»); не могут решать задачи из старых учебников, ибо их детское сердце отказывается воспринимать написанную там «неправду», и живой интерес вызывают у них уже не цветы, выросшие на поляне, а совсем другое: «детская деликатность мешает ему сказать, что самое любопытное из всего виденного сегодня – человек с желтым лицом, висящий посреди улицы на тонкой веревке» («Золотое детство») [VIII]. «Дети страшных лет России» лишены счастья, уюта, добра и

красоты – всего того, что составляет суть детства. Бывший счастливый мир России для них всего лишь далёкая и непонятная, навсегда ушедшая в глубину веков «древняя цивилизация». Так, в рассказе «Античные раскопки» шестилетний Котя не понимает, что такое металлические деньги, и как можно было на два рубля купить на базаре «мясо, картошку, капусту, яблоки... разные там яйца...» [1; с. 6]. Книжки детям новой революционной эпохи заменяют выданные страницы, в которые рыбак заворачивает свой товар («Володька»). «Все детство держится на традициях, на уютном, как ритмичный шелест волны, быте. Ребенок без традиций, без освященного временем быта – прекрасный материал для колонии малолетних преступников в настоящем и для каторжной тюрьмы в будущем», – пишет Аверченко в рассказе «Миша Троицкий». Уничтожив прошлое, большевики не просто погубили настоящее – они убивают будущее («Отрывок будущего романа»).

Именно к рассказам о детях обращается писатель, почувствовав необходимость отрешиться от ужасов последних лет, вернуться к своей прежней – веселой манере письма. Сборник «Дети» – первая попытка сделать книгу в дореволюционной стилистике... [VIII], здесь Аверченко пытается возродить «весёлый смех, а не чёрный юмор висельника. Вся книга пронизана доброй иронией, освещена лёгкой улыбкой» [5; с. 105]. Сразу скажем, что писателю не удалось обойтись без «исторического фона» – и это вполне объяснимо. В книгу вошли рассказы, созданные за последние четыре года, и это были годы революции и гражданской войны. Несмотря на то, что юморист старался отбирать произведения без «злости» и без «надрыва», «мироощущение эпохи», ее разорванность, безысходность, трагизм чувствуются в каждой миниатюре. В отличие от ранних юморесок, где время от времени возникал образ «мальчика с

затекшим глазом», сейчас для Аверченко нет плохих детей. Они все – как душистые гвоздики, любой – яркий цветок среди грязи и серости окружающей жизни [VIII]. Нравственные противоречия не раздирают души его маленьких героев, их внутренний мир на зависть целен и гармоничен. Аверченко не считает, что зло в человеческой природе неискоренимо. Поэтому его читатель не ожесточается, встречаясь на страницах рассказов и фельетонов с обозлёнными глупцами (пьяный гость «Под столом», Мотя «Три жёлудя» и т.д.), которые просто не понимают основных законов бытия, утверждающих добро. Конфликты маленьких персонажей с миром условностей, лжи взрослых трогательно укрупнены. Дети Аверченко, не без вмешательства автора, заставляют взрослых остановиться в череде мелочей, суеты, полюбоваться мгновением, дарованной судьбой. Писатель открывает подлинные душевные клады не только в богатых гостиных и чистых детских. Его Володька в рождественском рассказе «Продувной мальчишка» неожиданно проявляет изумительную силу внутренней энергии – он умудряется устроить любимый праздник себе и маме и ещё нажать «оборотный капитал» благодаря пустячной находке. Случай, причудливые и загадочные детские поступки у писателя неизменно заканчиваются «душевым розмыслом»: в «продувном мальчишке» он угадывает купца, в мечтательном фантазёре Косте («Костя») – будущего поэта. В сборнике «Дети» к нам словно возвращается прежний Аверченко. Автор как бы стремится найти внутренние стимулы для творчества на чужбине, возрождая череду любимых образов.

В это время из-под его пера выходят не только хлёсткие фельетоны, но и воспоминания о покинутой земле, согревающие теплом родного очага. Аверченко без прикрас воссоздаёт атмосферу «героических времён белогвардейской Вандеи». Историческим дням крымской одиссеи посвящены рассказы «Кипящего котла». Повествуя о страданиях русских беженцев, Аверченко адресует эту книгу детям: «... дорогие детишки! Это всё правда, и мы, герои, полубоги, гомеровские отпрыски, – пережили дикий «кипящий котёл...» Не случайно, что многие

его рассказы построены на диалогах дедушки и внука, отца и сына («Отрывки будущего романа», «Русская сказка», «Античные раскопки»). Они показывают боль автора о потере исторической памяти у нового поколения и крушении русской культуры. Однако, описывая самые трагические дни Родины, автор знает, что и в отрезанном Крыму, затем в эмиграции растут новые Шукины, Найдёновы, что возможно возрождение России [4; с. 357-358].

Подчеркнём в заключение, что тема детства была любимейшей и одной из главных в творчестве Аркадия Аверченко. Здесь он чувствовал себя непревзойдённым специалистом. Во-первых, потому что взаимная любовь детей и писателя не знала границ, а во-вторых, потому что впечатления о собственном детстве у Аверченко не были воспоминаниями, а были самой жизнью. По сути, он всегда оставался ребёнком, по крайней мере, до тех пор, пока революция не заставила его повзрослеть. А до этого времени он успел стать Королём юмора и остаться им в русской литературе уже навсегда – во многом, благодаря «детским» произведениям [1]. Без преувеличения можно сказать, что страницы, посвящённые детям, являются не только одними из лучших у самого Аверченко, но и принадлежат к лучшим образцам детской литературы в целом [1; с. 11].

Список литературы и адреса сайтов

1. Литература русского зарубежья (первая волна эмиграции: 1920 – 1940 годы) [Текст]: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 2 / А.И. Смирнова, А.В. Млечко, С.В. Баранов и др.; под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. А.И. Смирновой. – Волгоград, 2004. – С. 6, 10 – 11.

2. Михайлов, О. Аркадий Аверченко (1881 – 1925) [Текст] / О. Михайлов // Избранные рассказы / А. Аверченко. – М., 1985. – С. 5 – 18.

3. Никоненко, С. Король смеха [Текст] / С. Никоненко // Бритва в киселе / А. Аверченко. – М., 1990. – С. 5 – 24.

4. Сергеев, О. Белые мысли Аркадия Аверченко [Текст] / О. Сергеев // Записки простодушного / А. Аверченко. – М., 1992. – С. 341 – 361.

5. Спиридонова, Л. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. [Текст] / Л.Спиридонова. – М., 1999. – С. 105.

I. Аверченко Аркадий. Дети. Нечистая сила. Пантеон советов молодым людям (сборник рассказов) [Электронный ресурс] // Аудиокниги бесплатно:[сайт]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2009 – . – Режим доступа: <http://alphabook.ru/?p=2168>

II. Аверченко А. Т. [Электронный ресурс]: биография: вариант 3 // Litra.Ru: [сайт]. – Электрон. дан. – [Б. м.]: Litra.ru = Сочинения + Краткие содержания + Биографии, 2008 – . – Режим доступа: <http://www.litra.ru/biography/get/biid/00327161238670527354/>

III. Аверченко А. Т. О маленьких – для больших [Электронный ресурс]: книги о детстве // BiblioГид: [сайт].- Электрон. дан. – М.: ФГУК РГДБ, 2005 – . – Режим доступа: <http://www.bibliogid.ru/articles/343>

IV. Биография. Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881 – 1925) [Электронный ресурс] // Goldref.ru: школьно-студенческий

портал. – Электрон. дан. – [Б. м.]: GoldRef.ru, 2003 – . – Режим доступа: http://goldref.ru/biography/Averchenko_A.T./1/

V. «Виват, король!» [Электронный ресурс]: над чем и над кем смеялся Аркадий Аверченко // Allbest.Ru: [сайт]. – Электрон. дан. – [Б. м.]: ООО Олбест, 2009 – . – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/literature/00073288_0.html

VI. Коротких, А.В. Детские образы в юмористической прозе Саши Чёрного, А. Аверченко и Тэффи [Электронный ресурс]: диссертация / А.В. Коротких // disserCat – электронная библиотека диссертаций: [сайт]. – Электрон. дан.. – М.: ООО Цитадель, [б.г.].–Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/detskie-obrazy-v-yumoristicheskoi-proze-sashi-chernogo-averchenko-i-teffi-0>

VII. Миленко, В.Д. «Розовые долины детства» Аркадия Аверченко [Электронный ресурс] / В.Д. Миленко. – Режим доступа: http://vika-milenko.narod.ru/stati/rozovie_dolini_detstva_arkadiya_averchenko/

VIII. Переднее, О. Сатира и юмор в творчестве А.Т. Аверченко [Электронный ресурс]: диплом / О. Переднее // tarefer.ru: [сайт]. – Электрон. дан. – [Б. м.]: tarefer.ru, 2002 – . – Режим доступа: <http://works.tarefer.ru/44/100018/index.html>

Составитель: Ю. А. Томилова
Ответственный за выпуск: Л. В. Евсева
Компьютерный набор: Ю. А. Томилова

Областная библиотека для детей и юношества